

Николай Цуканов

ЭКСКУРСИЯ В ПРОШЛОЕ

*Кировоград
2013*

*При создании обложки использована работа
художника Александра Репки.*

Дэйв Браунд сидел в рабочем кабинете собственного дома и разбирал бумаги – документы и старые вырезки из газет, накопившиеся за несколько последних лет. Он неспеша вчитывался в тот или иной лист, внимательно просматривал дату, а затем раскладывал их в папки, помеченные разными годами. Дэйв и сам не знал, зачем он это делает. Дети выросли и разъехались кто куда. «Заинтересуется кто-нибудь этими клочками бумаги хоть когда-то? – подумал он, – А ведь в них часть моей жизни!»

Вдруг он наткнулся на небольшой фотоальбом. Раскрыв его, он с интересом стал просматривать чёрно-белые снимки. Перевернув одну из фотографий, он прочел – «Давиду от друзей». На ней был запечатлён их вокально-инструментальный ансамбль, в котором он когда-то выступал. Рядом с ним находились его друзья – Серега Марков, Генка Кузнецов и Женька Синицын. У него защемило сердце. Сколько же лет прошло с тех пор!? Он посмотрел на дату и тихо присвистнул. Ничего себе – почти сорок лет! И где сейчас его друзья? Как сложилась их судьбы?

Дэйв и раньше задумывался об этом, но из-за житейской суеты и постоянных гастролей тяжесть прошедших лет чувствовалась не так отчетливо. И вот теперь, когда он чаще всего находился дома, эта дата и срок – сорок лет назад – повергли его в состояние легкого шока.

В комнату вошла жена Дэйва, красивая, стройная блондинка. Она была на девять лет моложе, но это его нисколь-

ко не смущало. Дэйв просто любил ее и наслаждался каждым днем, проведенным вместе.

– Клер, – позвал он, – подойди сюда. Посмотри, что я нашел в старых бумагах.

Она присела рядом и с интересом стала разглядывать фотографии.

– Вот моя школьная фотка. Вот, вот он я! – он ткнул пальцем в лопухого паренька. – А это моя первая любовь. Второй класс, Женька Лаптева. Мы с пацанами постоянно дрались за право нести ее портфель. Однажды такая потасовка закончилась тем, что мы оторвали у него ручку и утопили в луже ее книги и тетради. Ох, и досталось же всем нам тогда!

Он увлеченно рассказывал о каждой фотографии. Затем взял в руки ту, где они были уже взрослыми, с гитарами наперевес.

– А вот так начиналась моя музыкальная карьера, – произнес он. – Мы играли на танцах в парке, на свадьбах. Как это было здорово! А это мои лучшие друзья – Мишка, Сергей и Женька. Сколько я с ними пудов соли съел! – помолчав, добавил он.

– Какой соли? – спросила Клер.

– Это так говорят русские о тех людях, с которыми вместе пришлось многое пережить, – он снова помолчал. – Клер, – наконец обратился к жене, – Я хочу съездить на Родину, туда, где родился и где не был целую вечность!

Та посмотрела на него удивленно:

– Взрослый ты давно, а все как ребенок. Ну, куда, куда ты поедешь!? Там уже давно нет той страны, в которой ты когда-то жил. Там за эти годы сто раз уже все изменилось. Да и к кому ты поедешь? Ведь ты все это время ни с кем не поддерживал никаких отношений. Сорок лет – это же целая вечность! Где эти твои друзья? Думаешь, они тебя

ждут? Там своя жизнь, как ты не можешь этого понять? А может, их и в живых-то никого не осталось.

Но Дэйв упорно стоял на своем:

– Я всего на несколько дней. Ты должна меня понять.

Клер на удивление быстро согласилась.

– Конечно, Дэйв. Я чувствую сердцем – тебе туда лететь не стоит, но понимаю, что пока сам в этом не убедишься, то не успокоишься и постоянно будешь себя корить. По-езжай!

– Клер, какая же ты у меня умница, – обняв ее, произнес Дэйв. – Как же я тебя люблю за то, что ты всегда меня понимаешь!

Самолет пошел на снижение. Давид с интересом всматривался в иллюминатор, пытаясь узнать знакомые места. После приземления он прошел таможенный и пограничный контроль, а затем сел на рейсовый автобус, чтобы через три с половиной часа очутиться в маленьком городке, где прошли его детство и юность.

В автобусе он познакомился с неопределенного возраста дамой, очень словоохотливой.

– Жоржевна, – представилась она. – Вот, мотаюсь туда-сюда, копейку зарабатываю. Бизнес маленький имею – трусами, носками торгую.

И хотя Давид очень устал за время многочасового перелета, он с наслаждением слушал разглагольствования этой женщины, как бы впитывая в себя все упущенное за многие годы, проведенные вдалеке от родины.

– А ты-то чего мотаешься? – спросила она Давида.

– Да я вообще-то и не мотаюсь. Вот, еду к друзьям. Не виделись почти сорок лет.

– А что ж это вы за друзья такие, если не виделись так долго? – но, отметив его интеллигентный вид, сама себе сказала. – На тюремщика вроде не похож. Где ж ты так долго шлялся?

– Да я в другой стране живу. Той, что Америкой называется.

– Америка? – спросила дама, и зачем-то потрогала его за руку. – Честно скажу – у нас город хоть и портовый, но я живого американца первый раз вижу. Вот китайцев или вьетнамцев – это запросто. А вот настоящего американца – нет, врать не буду.

– Да я не очень настоящий, – ответил Давид. – Эмигрант. Уехал в свое время в Америку. Женился. Вот так и прожил там всю жизнь.

– А занимаешься-то чем, в этой самой, как ее, в Америке?

– Музыкант я. Песни сочиняю и пою.

– Да ты что! – удивилась пассажирка. – Настоящий певец!? И как тебя кличут?

– Дейв Браунд.

– Не слышала, – огорченно произнесла тетка. – Я вот Витаса и Михайлова люблю. Их видела по телевизору, а вот то, что ты сказал, ни разу не пришлось. А ты говоришь, мой земляк, то есть, родился тоже тут? А учился где?

– Во второй школе, той, что в центре, – ответил Давид. – Окончил музыкальную школу, затем учился в пединституте, на инязе. Играл на гитаре на «Пятаке».

– Где-где? – удивленно спросила тетка. – Так я ж туда по молодости всегда с девками на танцульки бегала. Как говоришь, тебя зовут?

– Вообще-то тут меня все звали Давидом, фамилия моя Блиндер, а пацаны называли просто – Додя.

– Додя! Так это ты!? – изумленно, чуть ли не на весь ав-

тобус воскликнула тетка. – Негодяй ты! Сидишь и чешешь мне тут, американец Дейв Браунд! Ты что, меня не помнишь? – и тут же осеклась. – Я б тебя тоже ни в жизнь не признала. Вон какой стал – холенный, одет с иголки. А ведь я же Зинка с Площади. Ну, помнишь, у нас район был такой, Площадь?

– Зинка? – мучительно стал вспоминать Давид.

– Ну, конечно, пару раз переспать с девушкой – еще не повод для знакомства, – обиженно произнесла она.

«Слава Богу, что я не взял с собой Клер, – подумал Давид, – а то бы эта встреча надолго бы нам всем запомнилась!»

– А-а, – протянул он, – Зинка! Ну, конечно же, помню! – быстро произнес он, чтобы не нарваться на еще какие-нибудь компрометирующие воспоминания своей попутчицы.

– А ты помнишь, как наши пацаны тебе из-за меня чуть морду не набили? Ну, парни с Площади!? Это ж круто было! Тогда среди молодежи войны были серьезные, стенка на стенку! Липованка на Колодец, Площадь на Липованку, и пошло-поехало. Ну что, вспомнил?

Давид действительно вспомнил, как однажды натерпелся страху, когда во время того, как он провожал даму домой, возможно, даже эту, дорогу ему перегородили несколько крепких парней. Они обступили его, оттеснив девушку в сторону. Один уже наматывал на руку ремень с морской медной пряжкой и, наверное, нанес бы первый удар, как кто-то произнес:

– Так это ж Додя-музыкант!

Выведя его на свет, падающий от фонаря, тот же парень произнес:

– А чего ж ты не говоришь, что Додя? Сейчас бы отоварили тебя по полной за то, что наших девчонок кадришь. А ну-ка, пацаны, принесите гитару, – и, подойдя к девушке вплотную, сказал. – А тебе что, красotka, на магал? пацанов

не хватает? Смотри, а то проучим. Повезло тебе в этот раз. Но если сунешься с кем-то другим, пеняй на себя. Нашим пацанам девки тоже нужны.

В тот раз он вернулся домой в половине пятого утра, засидевшись с новыми знакомыми. Войдя в квартиру, он увидел сидящего на кухне отца, дымившего непонятно какой по счету папиросой. Видно было, что спать он еще не ложился. На столе лежал ремень, до боли похожий на тот, с которым несколько часов назад его встречали ребята с Площади. Давид ничего не смог ничего сказать в свое оправдание, кроме как произнести:

– И ты тоже с ремнем?

– Что значит тоже? – произнес отец. Пришлось рассказать все, как на духу...

– Ты чего задумался? – спросила Зина.

– Да так, вспомнил, какая ты красивая была, – соврал он и сразу понял, что снова попал впросак.

– А сейчас, значит, я уже не такая! Раньше была молодая и красивая, а сейчас, значит, только молодая? Ладно, все вы, мужики, такие, – поджала губы новая старая знакомая, но быстро отошла. – А знаешь, я б тебя в гости пригласила, может быть, вспомнили за бутылочкой молодость. Но у меня куча внуков живет. Да и мужик не забыл еще, что такое ревность.

«Слава Богу, что внуки дома, – подумал Давид, еще раз посмотрев на спутницу. – Думаю, как-нибудь переживу такое горе. Неужели вот эта дама могла бы быть моей женой?» А в слух произнес:

– Да, Зина, я часто вспоминал наши встречи. Ты даже мне приснилась один раз.

– Да ладно тебе врать-то, кобель, – произнесла Зина. – Я по твоим глазам вижу, сколько раз я тебе снилась.

Помолчав, добавила:

– А все равно, приятно вот так встретить давнего знакомого. Ты, кстати, где остановиться решил? Не знаешь еще? Ну, так прямо в центре гостиница есть неплохая. Селись, не пожалеешь. Не Америка, конечно, но и не Вьетнам.

– Так она же там и раньше была, – вспомнил Давид.

– Да. А что с ней сделается? Хозяева меняются, а курица остается.

– Какая курица? – спросил Давид. Ему вдруг стало ясно, что за время, прошедшее после отъезда в Америку, он научился понимать некоторые шутки.

– А ты-то хотя бы знаешь, где друзья живут? И живы ли они вообще?

Давид только сейчас задумался над этим простым вопросом. Ему почему-то казалось, что ничего не изменилось – достаточно, как в те годы, просто подойти к дому, свиснуть три раза и друзья явятся пред его светлы очи. Но так случается только в сказке, верить в которые он давно уже перестал. Найдет ли он своих друзей? «Назад дороги нет, – подумал он, – найду. Город маленький».

Распрощавшись с Зиной, он попросил водителя остановить автобус возле гостиницы.

Приняв в номере душ и немного отдохнув с дороги, Давид прошелся по центру, вдыхая запах благоухающего цветами и зеленью города. К его удивлению, здесь мало что изменилось – тот же собор возвышался над многолетними деревьями, те же бетонные лавочки, помнящие не одно поколение горожан, так же стояли тут и там, кованый забор окружал парк. Он подошел к месту, где когда-то находилась скульптурная группа с тремя медведями, возле которой любили фотографироваться дети. «Где же он?

Снесли? Как жаль! Наверное, со временем рассыпался, а может, помешал кому-то», – подумал Давид.

Он подошел к зданию собора. Возле входа, так же, как и много лет назад, сидели нищие и цыганки с детьми. Его взгляд бесцельно блуждал по незнакомым лицам. «Наверное, ждут прихожан на вечернюю службу», – подумал он.

Вдруг его взгляд остановился на сидящем тут же одиноком старике с беспорядочной прической. Тот пальцами отбивал на коробке ритм какой-то мелодии. Его движения казались до боли знакомыми. «Нет. Наверное, обознался», – не поверил Давид. Но несколько брошенных в его сторону взглядов не оставили даже тени сомнений. Это был Женька Синицын, барабанщик их ансамбля.

У Давида все внутри похолодело. Он не мог поверить, что этот сидящий на ступеньках дед – тот самый Женька, их любимец, некогда красивый высокий парень. «Но он же мой сверстник! Почему, почему он здесь? Вот так встреча! Подойти и признаться, что это я, Додя?» – размышлял Давид.

Но он не поддался этому порыву, а просто подошел ближе, чтоб услышать, о чем говорят расположившиеся на ступенях попрошайки. Сидящая рядом с Евгением дряхлая старуха сетовала:

– Народ очень скупой пошел. Раньше за день собирала очень даже прилично. А сейчас еле на бутылку и хлеб хватает.

– А ты, баба Феня, посмотри, сколько нас тут народу, – бросил в ответ Евгений. – Скоро ступеней на всех не хватит. Впрочем, ты права, раньше бумажки бросали, а сейчас мелочь одну, да и то далеко не каждый. Было время, церковь продуктами делилась, а сейчас кто знает, куда идет то, что жертвуют? Кризис, говорят, какой-то. А мы-то чего от него страдать должны?

На Давида стали обращать внимание, и он поспешил во-

йти внутрь церкви. Мужчина никак не мог прийти в себя. Он понимал – город маленький, и все у всех на виду, но чтобы буквально на первых шагах встретит своего друга, да еще и в таком виде – такое не могло ему присниться даже в самых страшных снах.

Поставив свечку к образу Николая Чудотворца, он достал из кармана блокнот, вырвал один из листов, написал на нем две буквы – «Д.Б.», завернул в него пять сто долларовых купюр и на выходе опустил в коробку перед Евгением. Тот вначале не понял, что именно ему бросил этот странный прохожий, затем, разглядев, развернул бумагу и увидел банкноты. Дрожащей рукой он сунул их глубоко за пазуху. И только после этого осмотрелся, надеясь увидеть щедрого жертвователя. Он попытался привстать, но тут же опустился на ступеньку.

– Баба Феня, баба Феня, – зашептал он, – Ты не видела, кто бросил мне этот лист с деньгами?

– А что, много денег? – так же тихо спросила бабка.

– Если не пропить за день, то на полгода точно хватит, – он снова посмотрел на лист и на две буквы, выведенные на нем. «Не иначе как большой грешник этот человек, раз столько жертвует», – подумал он.

– Смотри, бабка, какие-то две буквы оставил на листе, «Д. Б.».

– Дебил, что ли? – предположила баба Феня.

– Нет, – резонно заметил Евгений, – Дебил как одно слово пишется, а здесь их два.

И тут его осенило:

– Так сегодня ж мой день рождения! А буквы означают «Дар Божий», – и он перекрестился, подняв голову к куполу.

Давид не оглядываясь быстрым шагом направился в сторону гостиницы. И только отойдя на приличное расстояние от церкви, он прошептал:

– Прости, Женька, но просто не смог признаться тебе, что я тут.

Он еще долго корил себя за этот поступок, но все же, в конце концов, решил, что так будет лучше для них обоих.

На следующее утро он решил найти дом, в котором в прошлом жил их басист Генка Кузнецов. Побродив по улочкам, он дошел до трехэтажного кирпичного дома. Войдя в подъезд, Давид ужаснулся царившему там беспорядку – штукатурка со стен осыпалась, с перил давно облезла краска, а в рамках окон не было ни одного целого стекла, везде пыль и паутина. Кругом валялись обрывки газет, рекламные листовки и окурки. Поднявшись на третий этаж, он нашел нужную квартиру и, не отыскав кнопки звонка, негромко постучал в дверь.

– Кто там? – послышался изнутри женский голос.

– Это я, Давид.

– Какой Давид? – переспросил голос.

Дверь распахнулась. На пороге стояла полная седая женщина.

– Кто вам нужен?

– Я к Геннадия.

– Нет Геннадия, – тихо ответила она. – Давно уже нет.

– А когда будет? – не поняв, спросил Давид.

– А никогда уже не будет. Умер он пять лет назад.

– Как умер? – ошеломленно спросил Давид.

– А как люди умирают? Пришел с работы, выпил немного, лег спать и не проснулся. А вы кто? – в свою очередь спросила женщина.

– Я? Да я здесь проездом. Знакомы были с ним. Ну, я пойду, извините, что побеспокоил.

Давид спустился вниз и сел на лавочку, стоявшую у подъезда. Что ж это такое? Он никак не мог поверить в то, что судьба воттак жестоко прошла по его друзьям. «Второй удар за два дня. Все-таки, наверное, с моей стороны было опрометчиво вот так лететь сюда за тысячи километров», – подумал он.

Осталось найти Сергея Маркова. Правда, тот жил на другом конце города. Взять такси и поехать к нему прямо сейчас? «Нет! На сегодня с меня хватит!», – подумал Давид. Он решил пройтись по набережной, чтобы немного развеяться, но почти сразу раскаялся – в порту стояли ржавые суда, ограждение причала было не покрашено, асфальт растрескался. «Кризис, – вспомнил он слова нищего друга. – Крепко он сидит в мозгах, этот самый кризис, если сложно убрать в подъезде, застеклить окна и покрасить ограждение».

В небольшом кафе он заказал сто граммов коньяку и чашку кофе. Выйдя на улицу, Давид сел за столик и, дожидаясь заказа, стал смотреть на неспешно текущие воды когда-то родной реки. Изредка тишину нарушали пронзительные гудки проходящих мимо барж и сухогрузов. Ему вспомнились написанные когда-то им строки:

*Как щиплет сердце тот ушедший сон,
Что юностью зовется быстротечной.
У жизни есть безжалостный закон,
Он каждого накажет за беспечность –*

*За то, что не умели мы ценить
Года и дни, да и порой мгновенья,
За то, что не умели дорожить
И прожигали жизнь без сожаленья.*

В ту ночь Давид долго не мог уснуть. Он пропускал через сознание увиденное и услышанное за эти два дня, а также вспоминал прожитые в этом маленьком городке годы, казавшиеся очень счастливыми, а также ежедневные нотации отца, справедливость которых он понял только сейчас. Давид мысленно благодарил маму Сусанну Сергеевну – она постоянно водила его на концерты и спектакли. Это ее слезами выплаканы годы его обучения в музыкальной школе. Это она часами сидела перед ним и слушала голос разрывающихся струн скрипки. Это она учила быть его самостоятельным и независимым.

Проснувшись в шесть утра по местному времени, Давид вошел в ванную и встал под душ. Включив воду, он подставил лицо тугим струям. Теплая вода обволакивала тело, расслабляя его. Ночная усталость постепенно исчезала, а на ее место приходила бодрость, выработанная годами собранность и уверенность в себе.

Давид мысленно готовил себя к последней запланированной встрече. «Я уверен, что все будет хорошо!» – настраивал он себя. Ведь Серега Марков был самым сильным из них физически – увлекался спортом, качал, как тогда принято было говорить, свое тело гирями и гантелями.

Успокоив себя, Давид вытерся полотенцем, высушил волосы феном и стал, не спеша, бриться. Приведя себя в порядок, он неторопливо оделся и спустился на первый этаж в холл. Заспанная администратор безразлично взглянула на него, а когда он спросил, где можно выпить кофе, слегка раздраженно указала на столик, стоящий здесь же.

– Вы присядьте. Я через пару минут принесу.

Пару минут затянулись на хороших полчаса, но Давид, как ни в чем не бывало, поблагодарил ее, щедро рассчи-

тавшись за принесенный кофе. Увидев деньги, женщина оживилась и немного смущенно произнесла:

– Вы извините, что так долго готовила. Я за хорошей водой ходила в кладовую. Местная у нас, я бы сказала, не очень.

«Ну вот, – подумал Давид, – уже понемногу начинает везти». Он взглянул на часы. Они показывали без пятнадцати восемь. Допив кофе, он попросил вызвать такси. Поплутав по, казалось бы, знакомым улочкам, он наконец-то нашел нужный ему дом. Его облик за эти годы сильно изменился. Отделка стен, крыша, окна – все было новым. Некогда деревянный забор, ограждающий придомовую территорию, был заменен на металлический профиль. Всю эту новую для Давида картину завершали огромные кованые ворота.

Но сомнений быть не могло – это тот самый дом, в котором жил его друг Серега, и где он не раз бывал. Попросив водителя такси не уезжать, Давид нажал на кнопку звонка. Во дворе залаяла собака и через несколько минут к калитке вышла молодая девушка.

– Доброе утро. Вы к кому?

– Мне нужен Сергей Иванович, – ответил ей Давид.

– А он тут редко бывает, – произнесла девушка. – Он ведь тут уже давно не живет. Они с мамой переехали в новый дом.

– Так вы его дочь? – обрадовано спросил Давид. У него отлегло от сердца – значит, все нормально, и его друг Серега жив. – А где, где его можно найти? – поспешно переспросил он. – Я его друг Давид.

– Давид? – удивилась девушка. – Я не слышала, чтобы папа когда-нибудь о вас рассказывал.

Эти слова неприятно резанули слух Давида и он, словно оправдываясь, пояснил:

– Мы дружили, когда вас еще не было. А потом я уехал, и очень надолго.

– Так вы проходите в дом, – предложила девушка.

– Нет-нет! Если можно, расскажите таксисту, как доехать к дому вашего отца.

Искренне поблагодарив дочь Сергея, Давид снова сел в такси. Доехав до практически окраины города, водитель без труда нашел дом, о котором говорила девушка. Не заметить его было сложно – огромное трехэтажное здание было архитектурным вызовом расположенным поблизости одноэтажным постройкам. Трехметровый забор, сложенный из красного кирпича, увенчанный поверху коваными пиками, опоясывал огромную усадьбу. Давид с минуту помедлил в нерешительности, а затем несмело нажал на кнопку переговорного устройства, размещенного на калитке.

– Я вас слушаю. Вы к кому? – спросил из динамика женский голос.

– Мне нужен Сергей Марков.

– Сергея Ивановича сейчас нет, – ответил тот же голос. – А вы из налоговой или еще из каких-нибудь органов?

– Я из Америки, – произнес Давид и, поняв, что сказал полнейшую ерунду, которая может быть принятой, как издевка, добавил: – Я старый друг Сергея Давид. Когда-то очень давно мы дружили.

– Входите, – произнесла невидимая собеседница, после чего послышался щелчок замка. Калитка отворилась.

Давид рассчитался с водителем и вошел во двор. Его территория казалась необыкновенно огромной. Слева возвышалась альпийская горка, с которой в пруд водопадом скатывалась вода. Весь двор буквально утопал в зелени и благоухал обилием цветущих роз. Справа размещался небольшой крытый бассейн.

«Как здорово!», – только успел мысленно изумиться Давид, как навстречу ему вышла высокая женщина в

спортивном костюме, который плотно облегал ее немного полноватую фигуру. Она протянула руку для приветствия. Перед тем, как пожать ее, Давид отметил, что практически все пальцы руки были унизаны драгоценными кольцами.

– Эмма Михайловна, – представилась она. – Хозяйка этой усадьбы. А Сергей скоро появится, он каждое утро магазины объезжает. Есть у нас пара торговых точек – маленький, скромный бизнес. А вы, значит, Давид? – она с ног до головы оценивающе осмотрела на Давида и, оставшись довольной увиденным, продолжила, – И вы действительно из Америки? Ну и как там сейчас? – эта фраза прозвучала так, будто Эмма Михайловна совсем недавно покинула Штаты.

Не дав гостю времени на ответ, она указала рукой в сторону стоявшей у пруда беседки, жестом пригласив его туда. Войдя, они уселись в плетеные кресла. Стремясь опередить хозяйку, Давид спросил:

– Быть может, я стесняю вас своим присутствием и приеду позже?

– Да вы что! Сергей будет совсем не против того, что я принимаю вас во время его отсутствия. Кстати, вот и он сам, – сказала она, увидев автоматически открывающиеся ворота. Во двор въехала серебристая «peugeot». Через минуту из нее вышел подтянутый мужчина, в котором Давид не сразу узнал своего старого друга – в его движениях и манере держаться сквозило что-то незнакомое. Сергей помахал жене рукой и неспеша направился к беседке. Эмма Михайловна молча наблюдала за его приближением.

Давид встал и направился ему навстречу.

– Ну, здравствуй, Сергей! – торжественно произнес он. Тот же внимательно всматривался в лицо незнакомца, машинально протягивая руку для приветствия.

– Давид, ты, что ли? – наконец произнес он. На его губах то появлялась, то исчезала широкая улыбка. – Что, явился не запылится?

Давид попытался обнять друга, но тот, слегка оттолкнув его, сказал:

– Ну, дай и я на американца посмотрю. На того, кто родину на масло с икрой променял, – в его словах звучала непонятная ирония. – Ничего так выглядишь, одет с иголочки. Моложавый, стройный, ухоженный. Не то, что мы здесь – сырые да убогие.

Но тут в разговор вмешалась Эмма Михайловна:

– Сергей, ну как ты гостя встречаешь? Меньше слов – дешевле телеграмма, – как-то невпопад продолжила она. – Идемте в дом. Посмотрите, как сырые устроились.

Для начала хозяева провели небольшую ознакомительную экскурсию по дому. Давид бродил по просторным комнатам, уставленным изящной и, видимо, очень дорогой мебелью и искренне восхищался увиденным. Его поражало все – и лежащие на полах дорогие ковры, и огромные вазы, стоящие по углам. Он мысленно подсчитал, сколько такой дом и убранство могли бы стоить в Америке.

– Какой ты молодец! – восхищенно сказал он Сергею, когда они, наконец, уселись за стол. – Кстати, а сколько человек у вас тут живет? – спросил он уже Эмму Михайловну.

– Кроме нас с Сергеем еще... – она помедлила и с улыбкой продолжила, – кошка Марта и попугай Бодик.

– Всего лишь вдвоем в таком дворце? – искренне удивился Давид.

Они выпили по первой рюмке, затем по второй и третьей. Несмотря на значительные дозы горячительного, разговор не клеился. В основном было слышно Эмму Михайловну, которая болтала не умолкая.

Чем больше пил Сергей, тем сильнее хмурилось его лицо.

Через какое-то время, не выдержав, он громко произнес:

– Видел я тебя, видел и не раз. Я по телику частенько шансон смотрю. Знаю, знаю, кто ты, и про твою нынешнюю популярность наслышан достаточно. Вы, евреи, везде пристроитесь! – вдруг неожиданно зло выпалил он.

– А причем тут евреи? – опешил Давид. И, смутившись, стал робко объяснять. – Ты же знаешь, я уехал чуть ли не в одной рубашке. Сначала в Польшу, затем – в Германию, а потом уже перебрался в США. Остановился в Чикаго. Выступал, где только предлагали, чтоб заработать хотя бы на хлеб, – словно оправдываясь, рассказывал он. – Я двадцать лет шел к тому, кем я есть сейчас.

– Зато теперь ты сказочно богат, не так ли? Сколько у тебя миллионов – два, десять? – все больше распаялся Сергей. – Что ж ты, когда стал богатым, не позвал меня к себе? Друг называется! Прямо как у Высоцкого – «А вчера все вокруг мне кричали: Дэйв – друг!»

Его перебила Эмма Михайловна.

– А вы что, и вправду миллионер? А не могли бы дать своему старому другу тысяч сто долларов под небольшой процент, хотя бы на три-четыре года? Мы хотим свой цех небольшой открыть.

У Давида внутри все закипело, но он, пересилив себя, тихо и твердо произнес:

– Уважаемые, я приехал сюда не с миссией Международного валютного фонда. Я хотел увидеть своих старых друзей. И не знаю, кто из нас миллионер на самом деле. Честно скажу – мой дом в десять раз меньше. У нас вообще не принято иметь такие огромные дома. Ведь все это еще и содержать нужно.

– А мне не нужно? – вспыхнул Сергей. – Концы с концами сводим с трудом, иногда на бензин денег не остается.

– Ну, так зачем же вся эта роскошь, если нет денег, что-

бы ее содержать? Могли бы и скромнее жить, – удивился Давид.

– Ты еще будешь учить, как нам жить? Вот только евреи нас еще жизни не учили! Мне статус нужен, понимаешь – статус. Я всю жизнь мечтал быть богатым известным, популярным. Ездить на «Лексусе», отдыхать в Ницце. И почти добился. А тут этот гребаный кризис бахнул! – Сергей почти уже кричал. – Чем я хуже тебя!? Тем, что не еврей!?

– Да нет, – в очередной раз совладав с собой, произнес Давид. – Тебе не понять, почему. Амне, наверное, не понять вас.

Он опрокинул в рот рюмку с водкой, поднялся и, обращаясь к Эмме, попросил:

– Проводите меня, пожалуйста. Прощай, Серега!

Уходя, он еще слышал, как тот, брызжа слюной, кричал ему вслед:

– Он учить меня приехал! Смотрите на него, хитрожопого! Американец долбаный! Сорок лет без тебя жили и еще столько же проживем! Раньше приезжать надо было!

Давид шел к выходу, не вслушиваясь в извинения Эммы, а про себя твердил одно и то же: «Нужно нам, мужикам, хотя бы иногда слушать то, что говорят умные женщины».

Давид решил пройтись по ночному городу. На душе кошки скребли. Он никак не мог понять, почему старые друзья со временем становятся совершенно чужими людьми.

«Нет, с чужими намного проще, – думалось ему, – у них нет причины обижаться. А здесь, как будто бы в лицо плюнули или помоями облили. И кто? Тот, с кем долгое время все – еду, деньги, беды, радости делили поровну. Вот именно что делили. А что произошло? Что изменилось? Мы? Или время? А эти слова, брошенные в сердцах «Ты стал сказочно богатым человеком!» Выходит это плохо – быть

богатым? Наверное, такова суть «советского» человека – нам больше понятны те, кто ходит с протянутой рукой и постоянно сетует на отсутствие денег, пьет в гаражах, моется по воскресеньям, а носки меняет, переодевая их с правой на левую ногу. А сами они хотели когда-нибудь быть богатыми? И к чему эти слова – «Ты же еврей, а они всегда при деньгах!» Причем тут нация? Существует множество примеров, когда люди, независимо от того, русские они или американцы, стали богатыми людьми, сделав ошеломительную карьеру. Ладно, допустим, Билл Гейтс еврей. Но вот те же русские олигархи – Усманов, Прохоров, Потанин, хоть и отстали от него, но тоже далеко не бедный народ».

Размышляя таким образом, он даже не заметил, как забрел в парк, где располагался ресторан с летней площадкой. Играла музыка, неяркий, но уютный свет фонарей освещал столики. Посетителей было немного. Давид сел за один из пустующих столиков лицом к играющим на сцене музыкантам. Тут же к нему подбежал молодой официант с блокнотом в руке:

– Чего желаете заказать? У нас в меню свеженькая рыбка имеется, и красенькая, и беленькая, Да и Гарик наш такие шашлычки делает – пальчики оближешь! А может люля-кебаб под водочку?

«А что? – подумал Давид. – Можно вспомнить молодость. Да и этот неприятный осадок с души смыть не мешало бы».

– Тебя как зовут? – обратился он к официанту.

– Алик.

– Ну, вот что, Алик, принеси-ка мне грамм сто пятьдесят хорошей водки, сала домашнего, огурчиков и грибочков соленых. – И добавил, немного подумав: – А люля, или как там ты его называешь, не надо. Я эти ваши люли-люли не люблю.

– Какую водочку принести? – уточнил Алик.

– Ты меня спрашиваешь так, как будто я ваш постоянный клиент. Неси лучшую!

– Ну, тогда «Серый гусь». Она хоть и дороговата, но пьется, как поутру молоко.

Водка действительно оказалась хорошей. То ли сама обстановка подействовала, то ли нехитрая закуска, которую он давно не совмещал со спиртным, но после первых ста пятидесяти он заказал еще столько же.

«А ведь жизнь налаживается, – вспомнил он слова из старого анекдота. – Не закурить ли мне?» И, подозревая официанта, попросил принести пачку «Парламента».

Через какое-то время, затягиваясь дымом сигареты, он пытался вспомнить, когда в последний раз баловался табаком. Десять или двадцать лет назад? «Давно это было» – задумался он. Но вспомнив сегодняшнюю встречу в сердцах выругался. «А все из-за него, козла этого! Друг юности называется! Да пошел он к чертям, этот самый друг! Тоже мне, антисемит нашелся!»

Его размышления прервала подошедшая к столику молодая, лет восемнадцать-двадцать, девушка.

– Извините, у вас не найдется зажигалки? – спросила она. Давид в упор посмотрел на нее и ему почему-то сразу вспомнилась мужская аксиома: «Некрасивых женщин не бывает, бывает мало водки». «Это что – водки уже много или она действительно такая красивая?», – подумал он. А вслух произнес:

– А мама знает, что вы курите?

Девушка засмеялась:

– Моя мама знает, что я не только курю, но и... – она сделала многозначительную паузу, – в карты играю. Но только когда выпью. Может, я присяду, а то даме как-то неудобно стоять? Меня Лия зовут, а вас?

– А меня дядя Сэм.

– Где-то я это имя уже слышала, – произнесла девушка. – То, что вы не местный, я уже поняла, но что-то подсказывает мне, что вы к тому же еще и иностранец. Хотя говорите без акцента.

– Родился я тут, девочка, ро-дил-ся. Правда, не крестился. – Он подозвал официанта и, показав в сторону собеседницы, произнес слегка заплетающимся языком: – Накорми и обогрей. Вернее, налей того, чего дама пожелает.

Официант ушел, а Лия, наклонившись к Давиду, шепнула на ухо:

– А как вы насчет любви?

– Любви? – переспросил Давид. – А что, я не против. Любовь – это хорошо! Если это любовь к Родине.

Лия рассмеялась.

– Я же работаю тут, мне ведь деньги тоже нужны, – сказала она.

– Работаешь? – недоуменно спросил Давид. – Кем?

– Кем-кем, – обиженно произнесла Лия, – экскурсоводом! Экскурсии для мужчин провожу! Хочешь, тематику скажу? «Ночная страсть», «Нежная бабочка». Продолжать?

В это время подошел официант с подносом, на котором стоял бокал, бутылка шампанского и блюдо с фруктами.

– Ну, давай выпьем, экскурсоводша! За любовь... к Родине! – произнес Давид, выпивая очередную рюмку. – Все я, девочка моя, понимаю, не дурак! Просто хотел понять, что здесь за сорок лет изменилось.

– Каких сорок лет? – спросила Лия.

– Долгих и далеких...

Они сидели, болтая о всяких пустяках. Чувствуя, что с каждой рюмкой он все больше и больше пьянеет, Давид вытащил из кармана две купюры достоинством в сто долларов и протянул Лие.

– Это тебе за экскурсию. Будешь сегодня моим гидом. И будем вместе любить родину. А это, – он достал еще две купюры, – отдай официанту. Хватит, как думаешь?

Она проводила взглядом увесистую пачку денег, которую он положил во внутренний карман куртки, и благодарно произнесла:

– Спасибо, Сэм. А официанту хватит, еще и сдача останется.

– Не надо сдачи.

Давид встал и подошел к музыкантам. Протянув одному из них еще одну купюру, он заказал песню. Через час, видя, что ее спутник изрядно пьян, Лия позвала официанта и попросила принести счет и вызвать такси.

Алик попытался было помочь Давиду дойти до машины, но тот, на мгновение открыв глаза, отчетливо произнес:

– Моряки в костылях не нуждаются, – и, пошатываясь, пошел вперед, напевая «Ты – морячка, я – моряк, ты – рыбака, я – рыбака».

На следующее утро Давид проснулся с безумной головной болью. Во рту страшно пересохло. Казалось, что по голове кто-то злой и беспощадный постоянно бил маленькими деревянными молоточками. И какая-то странная мелодия звучала в мозгу, и все время повторялись странные слова – «Чапаев ты, Чапаев...»

Приоткрыв глаза, он долго вспоминал, что же вчера произошло. Давид уставился в потолок, который, казалось, наклонился над ним. Мужчина словно пытался отыскать на нем ответы на свои невысказанные вопросы. «Где это я? И почему потолки такие низкие?»

Услышав рядом какой-то шорох, он с трудом перевел глаза и увидел рядом какой-то непонятный силуэт, кото-

рый через время приобрел очертания женской фигуры. Спустя мгновение Давид понял – рядом, на расстоянии вытянутой руки, стояла обнаженная девушка с длинными волосами.

«Допился, – пронеслось в голове. – Или это сон?». Для того чтобы проверить верность последнего утверждения, Давид дрожащей рукой изо всех сил ущипнул себя за мочку правого уха. Стало больно.

– Господи, где это я? – проронил он, и откуда-то издалека услышал женский голос, который произнес:

– Вы у меня дома, дядя Сэм.

– Сэм? – воскликнул Давид. – Почему Сэм? Я – Давид! А ты кто?

Лия подумала, что он дурачится, и решила подыграть:

– Я – Мария Деви Христос, руководитель великого белого братства. Пришла, чтобы помочь тебе, сын мой.

– Что за чушь? Какое братство? Я – Дэйв Браунд, американский подданный!

Давид попытался поднять голову, но пронзающая боль в затылочной области сразу вернула его в прежнее положение. Он лежал с закрытыми глазами и судорожно думал о том, что же с ним произошло на самом деле, и как он здесь оказался. Вдруг он вспомнил ее. Открыв глаза, Давид с надеждой в голосе позвал:

– Экскурсоводша! Это ты? Я тебя помню!

– О! Вы уже начинаете возвращаться в твердый ум и трезвую память, – засмеялась Лия. – Еще немного, и вспомните, как меня зовут. Вы делаете успехи, Сэм.

– Не Сэм, я – не Сэм! Меня Дейвом зовут. Вернее, по вашему, Давидом.

– Сейчас, мой милый Сэм или Дейв, я тебя на ноги поставлю.

Лия принесла стакан с какой-то темной жидкостью.

– На, пей, – и протянула его Давиду. – Мы когда с девками наклюкаемся, то утром всегда квасом похмеляемся.

Давид приподнялся и дрожащей рукой поднес стакан к губам. Холодная жидкость приятно растеклась по желудку. «Вкус детства, черт возьми», – подумал он. Как Давид любил пить этот самый квас из бочки, который стоил по три копейки за бокал!

Через несколько минут ему действительно полегчало. Он даже попытался лучше рассмотреть обнаженную девушку. У нее была красивая грудь, прикрытая длинными волосами. Сегодня она казалась ему еще очаровательнее. Значит, дело было все-таки не в количестве водки! А Лия, нисколько не смущаясь собственной наготы, расхаживала по комнате, наводя порядок.

Вдруг Давида словно пронзило током. «Моя куртка! Там же зарубежный паспорт и деньги!» – и он потянулся к своим вещам, висящим на спинке стула. Увидев его жест, Лия сказала:

– Лежи, Давид, лежи. Все в порядке – цело, как и было. Я девочка порядочная, а не как некоторые: днем она – отличница, а ночью – клофелинщица! Я работаю честно. Все деньги на месте. Кроме пятисот долларов, которые ты вчера потратил. Из них же и мне за экскурсию. И музыкантам тоже дал.

– А музыкантам за что? – спросил Давид.

– За то, что спели песню про Чапаева.

– Какого Чапаева? – И, не дождавшись ответа, с тревогой спросил: – А телефон? Где мой телефон? Он не звонил? То есть, мне по нему никто не звонил?

– Какая-то женщина утром звонила, спрашивала, где ее муж.

– Что? – подскочил Давид. – Повтори, что ты сказала!

– Я говорю, что утром звонила женщина.

– И что, что ты ей ответила?

– Что ответила? Сказала, что сняла с тебя брюки и уложила спать, а будить ты не велел.

– Ты что, дура!? – заорал Давид.

– Нет, дурак – это ты, – беззлобно ответила Лия. – Пить надо меньше. Ладно, не паникуй, я пошутила. Такой уж уродилась. Ты, что забыл, как вчера сам позвонил жене и сказал, что идешь спать? Еще оправдывался, что слишком громко телевизор работает и что ищешь пульт, чтобы сделать тише. А потом, прикрыв одной рукой трубку, махал музыкантам, чтобы прекратили играть. Они на тебя и так весь вечер смотрели, как на дирижёра. А как же, таких чашевых им за одну песню сроду не платили. Они даже исполнили для тебя песню про Чапаева, как ты просил, не зная при этом ни слов песни, ни ее мелодии. Потом называл жену то зайчиком, то лисенком. Короче, пока весь зоопарк не перечислил, не угомонился. А затем отключил телефон.

– Спасибо тебе, – Давид постарался вложить максимум искренности в свои слова.

– Спасибо – слишком дорого, давай рассчитаемся деньгами, – игриво произнесла Лия. – Ладно, шучу я. Ты мне и так вчера нормально заплатил. Ты давай лежи, а я чего-нибудь поесть приготовлю.

С этими словами Лия натянула на себя прозрачный халат и отправилась на кухню. Давид встал с дивана, подошел к висящему на стене зеркалу. Увидев в отражении свое опухшее лицо, он продекламировал:

– Вот зеркало... И что перед глазами? Потухший взгляд и серый цвет лица... – Затем перевел взгляд ниже и увидел, что он одет в рубашку, из-под которой выглядывают трусы. – Да-а, давненько я в таком виде спать не ложился.

Сняв со спинки стула брюки, он с трудом натянул их и

только после этого, еще раз подойдя к зеркалу, попытался придать волосам на голове некое подобие прически.

Войдя на кухню, он увидел аккуратно накрытый стол, на котором стояли тарелки с нарезанными сыром, хлебом и колбасой.

– Садись, дядя Сэм, сейчас я тебя угощу своей фирменной яичницей на сале, – объявила, повернувшись к нему, Лия. – Или ты любовью сыт?

– Какой любовью? – переспросил Давид.

– Любовью к Родине, о которой ты вчера весь вечер так горячо твердил.

Давид сидел напротив Лии и думал, что ему очень повезло, что к нему подседа она, а не кто-нибудь из шпаны. Он вздрогнул от мысли о том, какими еще могли быть последствия вчерашней пьянки. Из раздумий его вывела Лия:

– Ты все время, пока мы с тобой спали, какого-то Сергея вспоминал и материл его сильно.

Давид пропустил окончание фразы, зацепившись за ее начало.

– Мы с тобой спали??!

– Да, дядя! Как говорит моя подружка, «мне с вами скучно, мне с вами все время спать хочется». А что мне прикажешь с тобой делать? Если ты слился с подушкой в экстазе и так продрых всю ночь. Да-да, оба крепко спали. Я, слава Богу, хоть выспалась с тобой, а то ночные экскурсии уже порядком утомили.

Поев и умывшись, Давид попросил Лию вызвать такси. Затем достал из куртки триста долларов, положил их на стол и, посмотрев ей в глаза, благодарно произнес:

– Спасибо тебе за всё. Мне и вправду вчера хреново было. Наверное, так плохо – еще никогда. Я ведь прилетел за тысячи километров, чтобы в результате получить оплеуху. Как говорят, не делай добра...

– От кого оплеуху? – перебила его Лия.

– Да, ладно, проехали. Теперь уже не важно, – с грустью произнес Давид.

Лия посмотрела на оставленные им деньги и смущенно сказала:

– Это очень много. Я ведь не сделала ничего такого. А за ночлег и сотни с головой.

– Нет, – возразил он. – Ты сделала для меня очень многое. И то, что деньги остались целыми, для меня, конечно, очень важно. Но не это главное. Главное то, что благодаря тебе я сумел многое переосмыслить. И вчера, когда пил, как последний алкаш, и сегодня, когда вернулся к жизни и вспомнил вчерашнее кино.

Он подошел к ней, прижал к себе и поцеловал в волосы:

– Прощай. Ты очень хорошая девушка!

– Ага, прямо Золушка, – засмеялась Лия. – Только нужно побыстрее с бала возвращаться в действительность и, пока деньги есть, на рынок за босоножками сбегать.

В чикагском аэропорту Дейва встречала жена. Они не виделись всего неделю, но ему, уставшему физически от перелетов и морально от тягостных встреч, показалось, что прошла целая вечность. Чтобы не выказать слабости, Дейв внутренне собрался. Он улыбнулся и, крепко сжав жену в объятьях, поцеловал ее в подставленные губы.

– Ну, вот я и дома! Экскурсия подошла к концу, – пошутил он.

– Как тебя встречали? – смотря ему в глаза, спросила Клер.

– Намного лучше, чем я ожидал, – попытался соврать Дейв.

Правда, то ли голос его предательски изменил интонацию, то ли женское чутье что-то подсказало супруге, но она, пристально посмотрев на него, сказала:

– Не ври, Дэйв. Женское сердце трудно обмануть. Два раза в одну реку не войдешь. Так, по-моему, говорят русские? Знаешь, что я тебе скажу, мой милый? Забывай скорее свой сон, отбрось обиды в сторону. У каждого своя судьба, начертанная Богом, но при этом каждый из нас сам строитель своей жизни. И если что-то построено не так, то винить во всем надо только самого себя.

Дейв с удивлением посмотрел на жену:

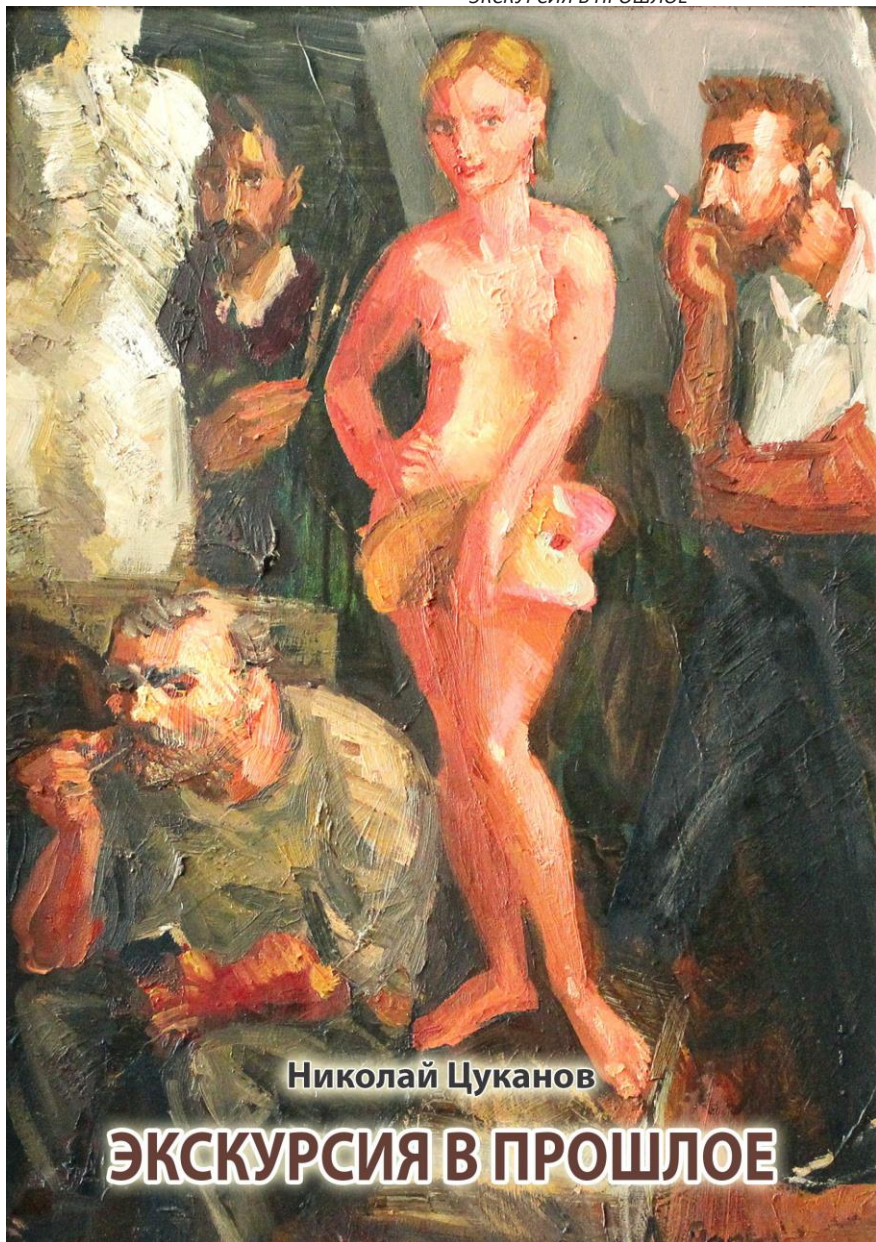
– Ты так говоришь, как будто бы все время была рядом со мной.

– Мое сердце и мысли всегда с тобой. – И, заглянув ему в глаза, добавила: – И днем и ночью.

– Ну, тогда, дорогая, тебе меня упрекнуть не в чем.

Дейв взял Клер под руку и они уверенно направились к оставленной на стоянке машине.

ЭККУРСИЯ В ПРОШЛОЕ

Николай Цуканов

ЭККУРСИЯ В ПРОШЛОЕ